

КОММЕНТАРИИ И ТОЛКОВАНИЯ

О порядке приобщения доказательств к уголовному делу

*Сергей Борисович Россинский**

На общем фоне различных проблем, присущих теории, нормативно-правовому регулированию и практике уголовно-процессуального доказывания в целом, накопления, исследования, проверки, оценки и использования отдельных информационных ресурсов (так называемых средств доказывания), в частности, большое количество вопросов вызывает феномен приобщения доказательств к уголовному делу – одного из достаточно распространенных и хорошо известных приемов работы органов предварительного расследования или суда.

С одной стороны, этот феномен более чем очевиден, не предполагает особой актуальности, недостоин пристального внимания ученых-процессуалистов. Ведь любой практический работник, ни минуты не раздумывая, скажет, что под приобщением доказательств надлежит понимать некие действия дознавателя, следователя или суда по включению попавшего в их распоряжение предмета или документа в общий массив материалов уголовного дела в целях дальнейшего использования как одного из средств процессуального доказывания. Тем более, что такое понимание напрямую

вытекает из сематического толкования термина «приобщить» – филологи обычно рассматривают его в качестве синонима термина «присоединить», но подлежащего употреблению в официальном контексте, например, в связи с включением некоего документа в некое дело¹. По всей видимости, именно по этой причине ученые-процессуалисты никогда не проявляли к данным проблемам особого интереса, не ставили их во главу угла своих исследований. Указанные вопросы обычно освещались и продолжают освещаться лишь вскользь, достаточно фрагментарно и зачастую посредством пересказа своими словами, а порой – и дословного переписывания соответствующих положений закона, например, регламентирующих порядок работы с вещественными доказательствами.

Однако, с другой стороны, при более глубоком погружении в тонкости уголовно-процессуальной доктрины и нюансы правоприменительной практики такой подход начинает представляться весьма упрощенным, поверхностным и одновременно упирающимся в целый ряд достаточно наивных, но, тем не менее, не предполагающих ясности вопросов. Например, не совсем понятно, почему для признания предмета вещественным доказательством и

* Доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук.

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. С. 596.

его приобщения к уголовному делу предусмотрена достаточно четкая юридическая процедура (ч. 2 ст. 81 УПК РФ), а для введения в уголовный процесс других средств доказывания (иных документов, заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной или административной деятельности²) подобная формализация отсутствует: в части судебного разбирательства существует лишь не вполне конкретное правило о возможности приобщения неких документов к уголовному делу на основании определения или постановления суда (ст. 286 УПК РФ), тогда как в части досудебного производства какие-либо юридические правила вовсе не установлены – указанные носители информации фактически попадают в сферу уголовно-процессуального регулирования путем подшивания к материалам дела, т.е. умелого использования сугубо технических навыков, которыми за пару дней способен овладеть любой студент, направленный в орган предварительного расследования или суд для прохождения учебной практики?

Кстати, никаких разъяснений по данному поводу нельзя найти и в положениях Уголовно-процессуального кодекса РФ. Законодатель вообще достаточно бесцеремонно обращается с суммарно употребленными в тексте УПК РФ более 50 раз (!) терминами «приобщение», «приобщаются», «приобщенный», используемыми для обозначения совершенно разных по характеру и содержанию фрагментов деятельности органов предварительного расследования и суда, причем далеко не всегда связанных с введением в уголовное дело носителей доказательственной информации.

Конечно, практические работники не сильно обеспокоены указанными неясностями; в подавляющем большинстве случаев данные доктринальные и нормативно-правовые изъяны вообще остаются незамеченными. Ведь существующие и вроде бы вполне пригодные для работы правила и прикладные технологии приобщения к уголовному делу различных носителей доказательственной информации воспринимаются дознавателями, следователями, прокурорами, адвокатами, судьями как

само собой разумеющиеся – именно так их учили в институтах, академиях, университетах, а после выхода на работу наставляли более опытные сослуживцы и коллеги. Любой среднестатистический представитель органов предварительного расследования прекрасно осведомлен, что документы надлежит приобщать к уголовному делу путем простого подшивания, а вещественные доказательства – посредством вынесения специального постановления. Любой судья, удовлетворяя ходатайство стороны, представившей заключение специалиста либо иной документ, обяжет своего секретаря зафиксировать в протоколе судебного заседания краткую резолюцию: «приобщить», тогда как, принимая аналогичное решение в части вещественного доказательства, поручит написать: «признать и приобщить».

Вместе с тем проблемы, сопряженные с приобщением доказательств к уголовному делу, видятся гораздо более серьезными, по крайней мере, по сравнению с тем, каковыми они представляются лицам, глубоко не погруженным в тонкости современной теории процессуального доказывания, особенно в контексте ее отражения в положениях действующего УПК РФ. В этой связи в одной из своих последних работ автор настоящей статьи обосновал необходимость сугубо правового, а не технического понимания указанного феномена³. В частности, было отмечено, что, будучи направленным на процессуальную легализацию (на процессуализацию) представленных, истребованных, изъятых предметов или документов в целях дальнейшего использования в качестве полноценных (допустимых) средств доказывания, их приобщение к уголовному делу никоим образом не может толковаться как совокупность сугубо технических приемов, состоящих в подшивании документов или помещении предметов в специально оборудованную камеру хранения вещественных доказательств. Подчеркивалось, что приобщение доказательств надлежит рассматривать не иначе как одну из форм реализации дискреционных полномочий властных участников уголовного судопроизводства, обуславливающих наделение соответствующими

² В этой связи необходимо обратить внимание, что автор настоящей статьи придерживается позиции, предполагающей понимание результатов оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти как автономных и полноценных средств уголовно-процессуального доказывания.

³ Статья «Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суда» планируется к опубликованию в одном из номеров журнала «Государство и право» за 2022 год.

ших объектов юридической силой и способностью к употреблению для обоснования приговоров либо других правоприменительных актов. И в этой связи был сделан вывод, что посредством рационального использования таких государственно-властных полномочий возникшие вне уголовно-процессуальных отношений и затем оказавшиеся «на столе» у дознавателя, следователя или судьи готовые информационные продукты⁴ подлежат введению в требуемое юридическое состояние – в статус полноценных доказательств (вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста и т.д.).

Вышесказанное в очередной раз подтверждает ущербность целого ряда законодательных конструкций и формулировок, предрасположенных к толкованию феномена приобщения доказательств как сугубо технического приема, сводящегося к подшиванию соответствующих документов к материалам уголовного дела. Причем, как уже отмечалось выше, наибольшее количество вопросов вызывает вообще не имеющий никакой правовой основы механизм приобщения к делу документальных источников информации (иных документов, заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной или административной деятельности) в ходе досудебного производства, предполагающего наделение органов исполнительной власти (должностных лиц) полицейского⁵

⁴ Более подобно об особенностях собирания вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной или административной деятельности, то есть объектов, не подлежащих процессуальному формированию, а поступающих в распоряжение дознавателя, следователя, суда в качестве готовых информационных продуктов, см.: *Лазарева В.А.* Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // *Legal Concept (Правовая парадигма)*. Т. 18. 2019. № 2. С. 56–61; *Лазарева В.А.* Собрание или формирование? Продолжаем дискуссию // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2021. № 1. С. 78–87; *Россинский С.Б.* Позицию профессора В.А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но... // *Юридический вестник Самарского университета*. 2021. Т. 7. № 3. С. 67–71.

⁵ В этой связи необходимо обратить внимание, что Следственный комитет РФ, формально не являясь органом исполнительной власти, фактически представляет собой типичный правоохранительный орган полицейского типа, типичное «силовое» ведомство. Подробнее см.: *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 64; *Миликова А.В., Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия. М., 2021. С. 18.

либо параполицейского⁶ типа юрисдикционными (судебно-следственными) полномочиями по собиранию полноценных доказательств, изначально равных по юридической силе, доказательствам, полученным в ходе судебного заседания. В этой связи складывается весьма парадоксальная ситуация: в соответствии с действующим законодательством указанные документы вводятся в уголовный процесс, признаются допустимыми и пригодными для использования по назначению средствами доказывания лишь по факту их технического включения в общий массив материалов следственного делопроизводства. Для возникновения любого подобного доказательства дознавателю или следователю нет надобности выполнять какие-то процедурные требования, как это установлено применительно к формированию гипнотически равных с ними по юридической силе показаний, экспертных заключений, результатов (протоколов) невербальных следственных действий. Достаточно, вооружившись иголкой с ниткой, подшить поступивший документ к соответствующему тому уголовного дела либо вообще поручить проведение этой нехитрой операции студенту-практиканту, осваивающему прикладные навыки будущей профессии.

Для досудебного производства предусмотрен лишь порядок признания предмета вещественным доказательством и его приобщения к уголовному делу – путем осмотра и вынесения соответствующего постановления. Однако, ввиду отсутствия данных алгоритмов в части работы с иными документами, заключениями специалиста, результатами оперативно-розыскной и административной деятельности причины появления такой процедуры для вещественных доказательств вряд ли стоит увязывать с неким «прозрением» законодателя, почему-то осознавшего потребность в формализации порядка приобщения к уголовному делу лишь только одной разновидности носителей информации, возникающих вне уголовно-процессуальных правоотношений и поступающих в распоряжение дознавателя или следователя в готовом виде. По

⁶ Под должностными лицами параполицейского типа автор настоящей статьи понимает капитанов судов, находящихся в дальнем плавании, глав дипломатических представительств РФ, командиров воинских частей и тому подобных субъектов, уполномоченных на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий в условиях удаленности от «Большой земли».

всей вероятности, нормативная регламентация порядка признания предметов вещественными доказательствами и их приобщения к уголовному делу была вызвана несколько иной причиной – «вещным», то есть как бы не бумажным, характером соответствующих объектов, обуславливающим необходимость особого правового режима их хранения (ст. 82 УПК РФ), предопределенного банальной невозможностью подшивания подавляющего большинства таких предметов к материалам следственного или судебного делопроизводства. По крайней мере, на эту мысль наводят не выдерживающие никакой критики правовые предписания о приобщении к уголовному делу в качестве вещественных доказательств материалов контроля и записи переговоров (ч. 8 ст. 186 УПК РФ), а также информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. (ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ) – еще одной группы носителей информации, нуждающихся в особых условиях хранения⁷.

Представляется, что независимо от этапа уголовно-процессуальной деятельности и характера объектов, поступающих в распоряжение дознавателя, следователя, суда в качестве готовых информационных продуктов, категорию «приобщение доказательств к уголовному делу» никоим образом нельзя толковать как сугубо технический прием, сводящийся к включению представленных, истребованных или изъятых предметов или документов в общий массив следственного или судебного делопроизводства. Подобный подход приводит лишь к извращению смысла публичных правоотношений, обесценивает значение уголовно-процессуальной формы и гарантии юридической доброкачественности отдельных доказательств.

Приобщение доказательств к уголовному делу – более простой, свободный по сравнению с механизмом формирования (по сравнению со следственными и судебными действиями, с судебными экспертизами), не предполагающий столь жесткой формализации, но при этом не менее важный правовой способ реализации государственно-властных юрисдикционных полномочий органов предварительного расследования и суда, направленный на расширение доказательственной базы посредством

юридического введения в досудебное или судебное производство новых источников полезной информации. Другими словами, под приобщением доказательств к уголовному делу надлежит понимать некую упрощенную процедуру, состоящую в процессуальной легализации (в процессуализации) возникающих вне уголовно-процессуальных отношений готовых информационных продуктов в целях их формального (!) признания полноценными средствами доказывания, наделенными должной юридической силой, обладающими необходимыми свойствами и пригодными к дальнейшему использованию для обоснования приговоров либо иных правоприменительных актов, то есть сводящуюся к введению представленного, истребованного либо изъятых предмета или документа в необходимое правовое состояние – в статус вещественного доказательства, иного документа, заключения специалиста, а также результата оперативно-розыскной или административной деятельности.

В силу простоты и очевидности указанной процедуры законодателю вряд ли потребуются инициировать какие-то серьезные научные изыскания и обсуждения, направленные на выработку и апробацию соответствующих процессуальных механизмов. Унифицированный алгоритм приобщения доказательств к уголовному делу может быть сформирован на основе уже существующих правил процессуальной легализации вещественных доказательств (ч. 2 ст. 81 УПК РФ) и документов, полученных в ходе судебного заседания (ст. 286 УПК РФ).

Как уже отмечалось ранее, в настоящее время наиболее четкими и понятными представляются именно правила работы дознавателя, следователя, суда с предметами, подлежащими введению в уголовный процесс в качестве вещественных доказательств, которые сводятся к их осмотру и вынесению соответствующего государственно-властного акта – постановления или определения, признающего их полноценными средствами доказывания и наделяющего их должной юридической силой. Вместе с тем для них свойственна явная законодательная ошибка, выраженная в предписании проводить осмотр любого предмета, признаваемого вещественным доказательством (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). И такой ошибке есть вполне понятное объяснение: по всей вероятности, авторы УПК РФ просто запуталась в уголовно-процессуальной терми-

⁷ Подробнее об этом см.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 335–337.

нологии – перепутали осмотр как следственное (судебное) действие с неким, не нуждающимся в четкой законодательной регламентации визуальным обследованием предмета в целях выявления его внешних признаков и свойств⁸.

В этой части более рациональными являются правила, установленные для приобщения к уголовному делу документов в ходе судебного заседания (ст. 286 УПК РФ), предполагающие не осмотр, а всего лишь их исследование. Однако данный алгоритм тоже далеко не безгрешен. Во-первых, законодатель почему-то не конкретизирует, какие именно документы и в каком качестве подлежат приобщению к уголовному делу, что вызывает правовую неопределённость и приводит к безразборному смешению различных по характеру и содержанию информационных продуктов, в том числе средств доказывания, в общий массив. А во-вторых, по смыслу закона судебное исследование всех подобных объектов надлежит проводить уже после вынесения решения об их приобщении к уголовному делу. Иными словами, законодатель предписывает суду вводить представленные или истребованные документы в уголовный процесс, в частности, признавать их полноценными средствами доказывания, без надлежащего исследования – фактически как «кота в мешке».

На основании изложенного унифицированный алгоритм приобщения доказательств к уголовному делу наиболее разумно сводить к порядку, включающему:

а) поступление некоего предмета или документа как носителя полезной информации в орган предварительного расследования или суд;

б) его надлежащее исследование, проверку и оценку на предмет фактической и юридической пригодности для использования по назначению;

в) издание государственно-властного акта об его официальном признании полноценным, наделённым должной юридической силой конкретным средством доказывания (вещественным доказательством, иным документом, заключением специалиста, результатом оперативно-розыскной или административной деятельности) и о его формальном введении в уголовный процесс, то есть о приобщении к уголовному делу в узком смысле.

Так, поступление предмета или документа в орган предварительного расследования либо суд (говоря образно, попадание «на стол» к следователю либо судье) надлежит увязывать с результатами представления, истребования или изъятия – приемов собирания потенциальных средств доказывания, предполагающих гораздо меньшую степень формализации по сравнению со следственными (судебными) действиями и судебными экспертизами как способами формирования доказательств.

Будучи полученным дознавателем, следователем либо судом, каждый подобный предмет или документ подлежит достаточно полному, всестороннему и объективному исследованию, проверке и оценке в целях определения его полезных свойств, обуславливающих возможность и целесообразность его включения в общую доказательственную массу как автономного информационного ресурса, predisposed к использованию для установления обстоятельств уголовного дела и обоснования приговора или иного правоприменительного решения. Результаты такого исследования, проверки и оценки как раз и предопределяют необходимость официального признания поступившего объекта полноценным, обладающим должной юридической силой средством доказывания и его формального введения в уголовный процесс. Поэтому указанные действия дознавателя, следователя, суда должны носить предварительный характер – осуществляться не после (как это, в частности, установлено в ст. 286 УПК РФ), а именно до вынесения соответствующего решения.

Сказанное ни в коей мере не исключает возможность дальнейшего исследования, проверки и оценки подобных объектов в ходе последующего досудебного и судебного производства. В конце концов, и исследование, и проверка, и оценка доказательств – это операции, присущие подавляющему большинству этапов уголовно-процессуальной деятельности, определяющие сам смысл соответствующих правоотношений. Каждое вещественное доказательство, иной документ, заключение специалиста и т.д. после приобщения к уголовному делу может еще неоднократно попадать в зону внимания дознавателя, следователя и, в особенности, суда, обремененного обязанностью непосредственного исследования (ст. 240 УПК РФ), собственной проверки (ст. 87 УПК РФ) и оценки

⁸ Подробнее об этом см.: *Росинский С.Б.* Досудебное производство ... С. 274–277.

(ст. 17 УПК РФ) всех доказательств, подлежащих использованию для обоснования приговоров. Однако вопреки расхожему мнению о недопустимости нарушения установленной ст. 85 УПК РФ последовательности этапов доказывания начинать такие операции надлежит еще до завершения процедуры собирания любого из указанных объектов посредством его приобщения к уголовному делу – в противном случае решение об его официальном признании средством доказывания и введении в уголовный процесс не будет соответствовать критерию обоснованности и превратится в пустую формальность.

Кстати, наибольшее количество вопросов вызывает феномен исследования предполагаемых к признанию доказательствами предметов и документов. Ведь исследование – элемент познавательной деятельности, который почему-то вообще не нашел отражения в вытекающей из вышеуказанной ст. 85 УПК РФ, трехзвенной «формуле» доказывания: «собрание – проверка – оценка». По всей вероятности, с этим связано и упомянутое ранее ошибочное нормативное предписание об осмотре любого предмета, подлежащего признанию вещественным доказательством (ч. 2 ст. 81 УПК РФ) – если бы законодатель обязал не осматривать (не проводить осмотр), а именно исследовать соответствующие объекты, в том числе посредством использования схожих с осмотром методов визуального восприятия неких фрагментов объективной реальности, все бы стало на свои места!

В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно обращалось внимание, что исследование доказательств – необходимый атрибут доказывания и требует гораздо большего внимания со стороны законодателя, подобно тому, как этот вопрос решен в уголовно-процессуальных кодексах ряда государств, возникших на постсоветском пространстве⁹. Правда, находящая воплощение в положениях 37 УПК РФ потребность в четкой формализации соответствующих познавательных приемов существует лишь в части судебного следствия, обремененного условиями устности, гласности, состязательности и другими важнейшими гарантиями правосудия. Тогда как в части досудебного произ-

водства, а также некоторых иных форм реализации судебной власти (например, во время нахождения суда в совещательной комнате, в ходе рассмотрения судьей кассационной или надзорной жалобы и пр.) такая деятельность сводится лишь к визуальному восприятию предметов либо прочтению «про себя» документов, поэтому может проводиться в более свободном и в силу понятных причин не требующем столь жесткой формализации режиме. Вместе с тем полностью пренебрегать феноменом исследования, в том числе не принимать его во внимание при формировании унифицированного алгоритма приобщения доказательств к уголовному делу – значит, опровергать не зависящие ни от каких юридических правил законы гносеологии и основанные на них механизмы восприятия человеком объективной реальности.

Издание специального государственно-властного акта – постановления дознавателя или следователя, постановления или определения суда об официальном признании поступившего предмета либо документа средством доказывания и его формальном включении в уголовное судопроизводство – это важнейший атрибут процедуры приобщения доказательств к уголовному делу. Необходимость вынесения данного процессуального решения предопределяется возникновением любого подобного объекта вне уголовно-процессуальных отношений, его поступлением в орган предварительного расследования или суд как готового информационного продукта и, следовательно, потребностью его введения в надлежащее юридическое состояние – в статус одного доказательства. Такой порядок полностью соответствует общим принципам публично-правового регулирования, согласно которым новые юридические состояния (процессуальные статусы) могут устанавливаться, а существующие – изменяться либо прекращаться только посредством властных велений государственных органов, должностных лиц или иных уполномоченных субъектов, в первую очередь путем издания специальных распорядительных актов-решений, в частности, органов дознания, предварительного следствия и суда¹⁰.

⁹ См., например: *Россинский С.Б.* О структуре уголовно-процессуального доказывания // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2017. № 5 С. 43–45.

¹⁰ П.А. Лупинская справедливо расценивала такие акты-решения как типичные юридические факты публично-правового характера. См.: *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд. М., 2010. С. 23.

Поэтому представленные, истребованные, изъятые предметы или документы могут вводиться в сферу уголовно-процессуального регулирования как полноценные средства доказывания, приобретать должную юридическую силу и становиться в один ряд с результатами следственных либо судебных действий и судебных экспертиз, то есть из доказательств потенциальных превращаться в доказательства реальные, допустимые, пригодные к использованию по назначению только посредством издания соответствующих следственных или судебных актов – постановлений дознавателя, следователя, постановлений либо определений суда об их признании соответственно вещественными доказательствами, иными документами, заключениями специалиста, результатами оперативно-розыскной или административной деятельности и приобщении к уголовному делу.

В завершение настоящей статьи хотелось бы выразить надежду, что результаты научных исследований автора рано или поздно все-таки будут восприняты законодателем, вследствие чего феномен приобщения доказательств к уголовному делу обзаведется надлежащей правовой базой и займет достойное место в общей системе объектов уголовно-процессуального регулирования.

Библиографический список

1. Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы / В.А. Лазарева // Legal Concept (Правовая парадигма). Т. 18. 2019. № 2.
2. Лазарева В.А. Собираение или формирование? Продолжаем дискуссию // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1.
3. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд. М.: Норма, 2010.
4. Миликова А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия: монография / А.В. Миликова, С.Б. Россинский. М.: Юрлитинформ, 2021.
5. Ожегов С.И., Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 2006.
6. Россинский С.Б. Досудебное производство: сущность и способы собирания доказательств: монография. М.: Норма, 2021.
7. Россинский С.Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5.
8. Россинский С.Б. Позицию профессора В.А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но... // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 3.
9. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. М.: Норма, 2013.